

А

В. Г. Белинский

"Суворов". Соч. Фаддея Булгарина

Полное собрание сочинений в 13 томах. Том 8. Статьи и рецензии (1843-1845)
Издательство Академии Наук СССР, Москва, 1955

20. Суворов. Сочинение Фаддея Булгарина. 100 рисунков В. Тимма, гравированных на дереве бароном Клотом, бароном Неттельгорстом и гг. Лавиелем и Порре. Издание М. Д. Ольхина. 1843. В привилегированной типографии Фишера. Санкт-Петербург. В 8-ю д. л. Выпуск первый. 143 стр.

В предисловии к этому изданию, или к этому "предприятию", г. Ф. Булгарин говорит, что в его сочинении о Суворове нет ни *истории*, потому что для истории Суворова еще не настало время (и мы, в этом случае, совершенно согласны с сочинителем), ни *вымысла*, потому что он нигде не отступал от истины (какой? -- за отсутствием исторической, вероятно, какой-нибудь другой!), и вымысел находится у него только в *форме* изложения. Взгляд довольно неопределенный, но уже не новый! Г-н Ф. Булгарин давно уже пишет по-русски, изучив русский язык настолько, чтоб быть в состоянии писать по-русски правильно грамматически. Мы сказали выше, как понимает и как смотрит г. Ф. Булгарин на свое новое сочинение -- "Суворов": это, по его собственному сознанию, не история и не роман, а что-то такое, чему нет и названия. Так и прежде смотрел г. Ф. Булгарин на искусство и литературу. Для доказательства, что этот сочинитель даже назад тому ровно десять лет опоздал уже своими взглядами на искусство, выписываем мнение г. Н. Полевого о "Мазепе" г. Ф. Булгарина:

Любопытно, что пред "Мазепою" находится небольшое предисловие, где автор изложил *свою* теорию романа. Здесь, можно сказать, ключ ко всем произведениям г-на Булгарина в этом роде. По его мнению: "Роман должен служить автору средством или к развитию какой-либо философической идеи, или к освещению тайников сердца человеческого, или к пояснению характера исторического лица. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало". Итак, автор усиливается доказать, что роман не детская игрушка, что им не пренебрегают даже люди порядочные, именно потому, что в нем можно сказать нечто дельное. Премудрость!.. Но философическую идею можно развивать во всяком роде сочинений, даже в песне и басне; освещать тайники сердца, разумеется человеческого, тоже; а пояснять характер исторических лиц - дело побочное в романе, ибо роман не может быть исключительно историческим. Следственно, после всего этого мы еще не узнаем от г-на Булгарина: что такое роман? Занимались этим родом сочинений всегда люди порядочные; но для сочинения романа мало быть ученым, философом или политиком. Для этих господ надобен только ум, а для романиста еще надобны: воображение, душа и особенное призвание к поэзии, именно романической. Если г-н Булгарин надеется только на свой ум и ученость, то мы не удивляемся, что он не может создать чего-либо образцового в романическом роде. Если он не шутя так понимает роман, как говорит, то мы видим еще, что он смотрит на него... не как поэт. Роман есть дело вдохновения, -- а он доказывает, что в нем должно развивать то и то! Роман есть сам себе цель, как всякое произведение изящное, а он говорит далее, что в нем надобно: *поучать, забавляя*. Но только детям можно давать лекарство, уверяя, что им дают конфекты! Если вы хотите поучать, то для этого есть проповеди, есть науки; в поэзии же должно быть свободное развитие творческой мысли: там нет места никаким посторонним целям.

В оправдание г-на Булгарина, мы предполагаем, что он писал свою теорию не по убеждению, а понаслышке: так думали прежде, когда еще не знали истинного значения романа и места его среди произведений словесности. Посему не должно говорить, будто "так понимают роман отличнейшие современные писатели". Ни один отличный мыслитель *так* не понимает его, и г-н Булгарин не назовет ни одного: закладую сто против нуля. Зачем же свою вину складывать на других?

Для людей опытных довольно прочесть такую теорию, и они закроют книгу, написанную для ее подтверждения. В самом деле: чего ожидать от нее? Посмотрим однако ж.

Сочинение написано; восторг писателя-поэта миновался; весь жар души его, вся мысль, породившая этот жар, перед нами. Теперь автор для нас, и даже для своего сочинения, постороннее лицо;